

УДК 800(075.8)

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ В РАБОТАХ А. Е. СУПРУНА: ЛИЧНЫЙ ВКЛАД И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ*

Резюме. Показана теоретическая и методологическая значимость лингвистического наследия профессора Адама Евгеньевича Супруна (1928–1999), первого заведующего кафедрой теоретического и славянского языкознания Белгосуниверситета (открытой в 1966 г.), крупнейшего языковеда СССР/СНГ и Беларуси, признанного авторитета в европейской и американской славистике. Дана характеристика наиболее значительных результатов: история славянских числительных от индоевропейской древности до дивергенции последних столетий; вероятностная теория грамматической организации словаря; концепция частотного словаря белорусского языка и руководство работами по его созданию; работы по теории речевой деятельности и коммуникации. Для Супруна как лингвиста характерны широта теоретической мысли, глубокий интерес к общенаучной картине мира, умение видеть суть явлений, здравый смысл, разнообразие исследовательских интересов и высокая точность в логике, фактах и словоупотреблении.

Ключевые слова: история языкознания; теория языка; история славянских числительных; вероятностная теория грамматической организации лексики; концепция частотного словаря белорусского языка; теория речевой деятельности; теория коммуникации; здравый смысл в оценке лингвистических теорий.

Abstract. The paper deals with the theoretical and methodological value of the linguistic heritage of Professor Adam E. Suprun (1928–1999), the first head of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics (y. 1966 opened in the Belarusian state University), an outstanding linguist of the USSR/CIS and Belarus and known authority in the European and American Slavic studies. The article represents Suprun's most significant results: the history of Slavic numerals from Indo-European antiquity to divergence of last centuries; the theory of the probabilistic grammatical organization of the vocabulary; the conception of the frequency dictionary of the Belarusian language and management of its creation; works on the theory of speech activity and communication. For Suprun as linguist are characteristic the wideness of theoretical thought, a great interest in a general scientific picture of the world, ability to see an essence of phenomena, common sense, a variety of research interests and thoroughness in logic, facts and word usage.

Key words: linguistics history; language theory; history of Slavic numerals; probabilistic theory of the grammatical organization of the vocabulary; management of creation of the frequency dictionary of the Belarusian language; theory of speech activity; communication theory; common sense in an acceptance of linguistic theories.

0. Обозначенная проблематика многократно превышает возможности журнальной публикации (не говоря о возможностях автора). Сознывая неизбежную неполноту обзора теоретических аспектов наследия А. Е. Супруна, я хотела бы подчеркнуть субъективно-личностное начало предлагаемого очерка: это мое понимание значимости идей и мотивов в наследии Супруна. Думаю, однако, что в своих исследовательских приоритетах я иду вслед за ним.

Из биобиблиографических источников о А. Е. Супруне см.: Библиографический указатель 1984; Мокиенко 1984; Германович 1994 (однако, к сожалению, не двухтомник Германович 2006, 2008); Память 2003.

1. О лингвистических ценностях в понимании А. Е. Супруна. Во-первых, это ценность теории. Кто проходил школу Адама Евгеньевича, тот не раз слышал такие его слова: «Есть одна лингвистическая наука – общее языкознание, а все остальное – богемистика, русистика, англистика – это ее частные приложения к исследованию и преподаванию конкретных языков». Для общего языкознания (теории языка) приоритетно целостное и динамическое понимание своего предмета; оно стремится увидеть родовое, общечеловеческое сходство тысяч языков на бесконечно разнообразной лингвистической карте планеты – единый на всех широтах и под всеми флагами Язык людей. По инициативе Адама Евгеньевича и благодаря его настойчивости название нашей кафедры – прежде «Общего и славянского языкознания» – было изменено: она стала «Кафедрой теоретического и славянского языкознания».

Во-вторых, это ценность историко-лингвистического знания. В своей докторской диссертации (Ленинградский университет, 1965) Супрун исследовал историю славянских числительных. Для студентов он читал курс старославянского языка, при этом с фундаментальной предисторией, начиная с тех процессов, которые выделили праславянский язык из индоевропейского. Получалась масштабная диахрония, самый глубокий и одновременно самый точный из лингвистических курсов, возможных на филологических факультетах, – курс, который объясняет и близость славянских языков, и различия между ними. Главное же, старославянский язык в концепции Супруна раскрывал природу языковой изменчивости.

В-третьих, Адам Евгеньевич понимал язык психолингвистически. Когда лингвист-историк обращается к текущей жизни языка, психолингвистическое понимание языка органично, потому что психолингвистика, как и диахрония, – это динамика языка, тот единственный ракурс, который способен привести к знанию объяснительному. Как и Бодуэн де Куртенэ (едва ли не первый для Супруна авторитет, во всяком случае, в лингвистике до середины XX в.), Адам Евгеньевич мыслил язык психологически и видел в психологии «базисную для него (языковедения. – Н. М.) науку» (Супрун 1978, 112; это цитата из работы Бодуэна де Куртенэ 1900 г.). Иначе говоря, Супрун, как и Бодуэн, видел за языком людей и их речевую деятельность, вплетенную во все другие виды деятельности.

Ценя теорию языка и методологию лингвистики, Супрун, однако, не терпел голого теоретизирования и обобщений, которые игнорировали или нивелировали своеобразие реальных языков. В работах по историографии лингвистики его раздражала нередкая теоретическая отсебятина пишущих по от-

* В основу статьи положен пленарный доклад автора на Международной научной конференции «Современные направления исследования и преподавания славянских языков. VIII Супруновские чтения» (Минск, филологический факультет БГУ, 21–22 сент. 2012 г.).

ношению к изучаемому автору, лексические анахронизмы и модернизирующие историю натяжки. Он скептически относился к ностратическим параллелям и реконструкциям, а в этимологии – к типологическим аргументам: слишком гадательны. В неумении пишущих отличать первопроходческие и самостоятельные исследования от работ вторичных и эпигонских Супрун видел огорчительный и трудный преодолеваемый недостаток профессионализма. Сам он считал малоинтересным занятием писать работы, как он говорил, «пересказывательные» – излагать чужие (пусть и не чуждые) мысли. Собственный исследовательский поиск был для него органичен.

2. Вклад А. Е. Супруна в теорию языка. Супрун был разносторонним и тонким исследователем языков в их разных аспектах; он хорошо знал и ценил убеждающую силу языковых фактов, и при этом для его работ характерна теоретическая устремленность – автор умел увидеть суть и глубинные связи языковых явлений, их значимость в общении людей и в истории языка.

Для Супруна основу теоретической лингвистики составляло многомерное понимание языка – в его неразрывных связях с процессами общения и мышления, в социальной обусловленности языковых ситуаций, в подспудной тектонике языковых структур и их межуровневом взаимодействии, в постоянном контактировании языков, детерминированном географией и хронологией. Понятно, что для теории языка значимы прежде всего крупные, тектонические сдвиги языковых структур.

2.1. Славянские числительные: от индоевропейской древности до бурной дивергенции последнего тысячелетия. Как показал А. Е. Супрун, в истории славянских языков нет более драматического процесса, чем история числительных (см. Супрун 1969). Часть речи «имя числительное» кристаллизировалась буквально на глазах письменной истории славян: еще в старославянских памятниках (IX–XI вв.) это не столько «часть речи», сколько «счетные слова» с пестрой морфологией и хаотичным синтаксисом, а к XIX–XXI вв. в разных славянских языках числительные все более перестают склоняться, постепенно превращаясь в неизменяемые знаки количеств и размеров. Синхроническое следствие этой скоротечности: в современных славянских языках из всех частей речи самое сильное грамматическое варьирование связано именно с числительными (*100 человек пришло* или *100 человек пришли*; *две столовые ложки* или *две столовых ложки*, *четыре студента* или *четверо студентов* и др.). В истории числительных как нигде переплетены мышление и грамматика, лексическая подвижность и инерция грамматической парадигматики, своеобразие конкретных этнических языков и унифицирующий диктат наук и технологий (кстати, в силу последнего фактора, цифровые изображения количества давно (с VII–VIII вв.), со времен арабского халифата, интернациональны).

А. Е. Супрун раскрыл причины и механизмы, объясняющие историю славянских числительных, причем эта логика – наглядная, в материально-языковой фактуре процессов – важна не только для числительных, но и для понимания того, почему и как вообще происходят изменения в языке, т. е. для теории языка. Супруновские исследования славянских числительных имеют непреходящее значение, однако точнее было бы сказать так: работы Супруна о числительных знают настоящие специалисты. К сожалению, в современных информационных потоках классические работы могут остаться неизвестными. Весной 2012 г. в новых поступлениях Национальной библиотеки я видела изданную в Москве коллективную монографию о числительных, и в ней не упоминались работы Супруна о числительных. Не буду называть авторов, но точно, что это не IV том в академической «Исторической грамматике древнерусского языка», выходящей в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. В IV томе (целиком о числительных), написанном проф. О. Ф. Жолобовым (см. Историческая грамматика 2006), уже на первых страницах говорится о ценном вкладе «блестящих работ» А. Е. Супруна в исследование числительных.

2.2. Вероятностная концепция грамматики. В 1960–1970-х гг. в исследованиях грамматики и лексики, а также в лекциях А. Е. Супрун развивал идеи, которые были крупным прорывом не только в теории языка, но и в естественно-научной методологии той поры, которая и в лингвистике, и, как я сейчас вижу, в математике и естествознании вошла в историю как время «бури и натиска».

Помню, как в лекциях на спецсеминаре (1967 г.), касаясь структурализма и его культа системности, Адам Евгеньевич говорил: «Это только романс есть такой “В языке все всегда структурально”. На самом же деле в языке все устроено статистично, то есть вероятностно». Помню, что было несколько лекций не тему «Планирование лингвистического эксперимента», в которых Адам Евгеньевич говорил о статистических принципах формирования исследуемого корпуса языковых фактов, о пробном (пилотажном) эксперименте – для лучшего планирования основного эксперимента; о математических методах оценки статистической релевантности цифровых различий; о том, что для лингвистов более поучительны статистические подходы в биологии, чем в термодинамике или тем паче в механике; что природе языка соответствуют не четкие, а «размытые» множества и континуальные ряды объектов... Это было интересно и убедительно и настолько понятно, «естественно», что мы, студенты, просто не могли почувствовать новизну и крутость этих идей. Спустя много лет я узнала, что в конце 1950-х и в 1960-х гг. вероятностное мировоззрение привело к расцвету новых перспективных направлений в математике, химии, физике, биологии. Вот как в 2000 г. вспоминала об этом крутом подъеме советской науки доктор технических наук Е. В. Маркова, чье научное мировоззрение сложилось под огромным влиянием выдающегося мыслителя и математика В. В. Налимова (1910–1997)*:

* Помимо трудов по математике, химии, метрологии, наукометрии (см. Налимов, Мульченко 1969), ряда философских сочинений (см. Налимов 1989; Налимов 1993), перу Налимова принадлежит монография по теоретической лингвистике (см. Налимов 1974); эта книга была в библиотеке Супруна, мне она известна по его экземпляру.

В своей диссертации по метрологии (1957) В. В. Налимов предлагал вероятностное понимание измерительных процедур в физике и химии. «Идея для этого времени смелая и новаторская. Ведь тогда вероятностные дисциплины находились почти что под запретом: “Наука – враг случайности!” – так сказал Т. Д. Лысенко». [...] Но вероятностное мировоззрение оказалось «созвучно идеям, которые носились в воздухе (только что в нашей стране реабилитировали кибернетику). “Оптимизация”, “моделирование”, “черный ящик”, “многофакторность”, “статистические методы” и другие разрешенные новинки стали ключевыми словами для тех, кто искал новые пути в исследованиях».

«Благодаря энергии Налимова и его учеников произошла экспансия идей и методов планирования эксперимента почти во все области знаний [...]. Эти далекие годы вспоминаются как период “бури и натиска”. Все были переполнены молодым задором, горели энтузиазмом и рвались в бой за новое мировоззрение. Идеалисты-шестидесятники, сделавшие смыслом своей жизни новые идеи планирования эксперимента, апостолы и глашатаи этой новой религии – вот кем были те, кто стал под знамена математико-статистических методов!» (Маркова 2010).

Вероятностное понимание грамматики Супрун представил в книге «Части речи в русском языке» (см. Супрун 1971 [а]). Адам Евгеньевич показал, что грамматические классы слов, называемые «части речи», объединяют слова, которые в разной мере отвечают тому, как соответствующая часть речи определяется.

У каждой части речи есть ее более и менее типичные представители. Так, для русских числительных не характерен род, но слова *два* и *оба* по родам изменяются (*два – две*), хотя форм среднего рода нет. Слово *тысяча* вообще ведет себя не как числительное, а как существительное: легко принимает определения: *отборная тысяча, поганая тысяча*; имеет дериваты, типичные для существительных, но не для числительных: *жалкая тыщонка*; легко гиперболизируется и теряет числовое значение: *тыща глаз* – не значит, что смотрят 500 человек, а просто очень много. Как показал Адам Евгеньевич, у причастий больше адъективных признаков, чем глагольных; компаратив ближе к наречиям, чем к прилагательным, и т. д.

Далее Супрун подсчитал количество морфологических и синтаксических признаков, свойственных разным словоформам, относящимся к разным частям речи; затем для 40 пар словоформ с представителями разных частей речи (таких, например, как *стол* и *пишу*; *чтение* и *пишу*, *пять* и *пишу*, *я* и *все*; *я* и *стол*, *я* и *всегда* и т. д.) было подсчитано количество общих и количество различных грамматических признаков. Далее по формуле, апробированной в корреляционном матанализе, для каждой пары был вычислен «коэффициент ассоциации» (показатель близости словоформ внутри пары)*. Его минимальное (отрицательное) значение (–0,52) отмечено для пары *стол* и *пишу*, максимальное (+1) – для *плохо* и *холодно*, при этом в «проблемной» паре *стол* и *тысяча* коэффициент (+0,88) был выше, чем между словами *чтение* и *стол*, а также *пять* и *тысяча* (см. Супрун 1971 [а], 115–119).

Следует подчеркнуть кардинальное отличие вероятностной концепции языка, сформулированной А. Е. Супруном, от того, каким виделся язык в математической лингвистике А. В. Гладкого, с одной стороны, и в исследованиях по программам «Статистика текста», разработанным Р. Г. Пиотровским, – с другой. Математическая лингвистика в работах А. В. Гладкого (см. Гладкий 1966; Гладкий 1973) – это своего рода антипод вероятностному пониманию языка: являясь разделом математической логики, матлингвистика разрабатывает формальный аппарат для описания строения естественных и некоторых искусственных языков. Такой дисциплине противопоставлены нечеткие множества и размытые границы классов, поэтому она абстрагируется от алогичности естественных языков. Судя по двум энциклопедическим словарям – математическому (1988) и лингвистическому (1990), – в которых статьи «Математическая лингвистика» написаны А. В. Гладким (см. Гладкий 1988; Гладкий 1990), современная математическая лингвистика находится примерно в том же состоянии, в каком она сложилась в работах А. В. Гладкого 1960–1970-х гг.

Что касается исследований по «Статистике текста» (школа Р. Г. Пиотровского в Ленинградском пединституте им. Герцена и ее «филиалы» в Минском институте иностранных языков 1970-х гг. и в те же годы в Алма-Ате, Кишиневе, Ташкенте), то это был широко развернутый сбор статистических данных о представленности в текстах на разных языках и в их разных стилях тех или иных языковых единиц (см. Пиотровский 1968; Статистика речи 1968; Статистика текста 1969; Статистика речи 1971, 1972, 1974). Разрабатывались методы определения количества информации, заключенной в разных текстах, методы автоматического анализа текстов; строились статистико-стилистические классификации текстов (см. Пиотровский, Бектаев, Пиотровская 1977)**. Однако в этих исследованиях речь не шла о вероятностном устройстве языка (языка в сосюрсовском смысле, как у Супруна) – о грамматике как о вероятностной структуре и о каждой части речи как о размытом множестве слов.

2.3. Основатель частотной лексикографии белорусского языка. Пять томов белорусского частотного словаря, работу над которым инициировал и организовал А. Е. Супрун, выходили с 1976 по 1992 г. (см. Мажэйка, Супрун 1976, 1979, 1982, 1989, 1992). Первый выпуск словаря «Мастацкая проза» вышел в 1976 г., за год до «Частотного словаря русского языка» Л. Н. Засориной. Белорусский словарь основан на корпусе текстов длиной в 1,5 млн словоупотреблений, словарь Засориной – на треть меньше (1 млн). В целом белорусский частотный словарь спланирован лучше, чем русский. В белорусском словаре в отдельных томах представлена лексика пяти функционально-стилистиче-

* В другой терминологии величина, определяемая по данной формуле, фигурирует как «коэффициент взаимного сопряжения» (см. Носенко 1981, 118).

** Исследования по «Статистике текста» планировались как часть лингвистического обеспечения машинного перевода; с Лабораторией инженерной лингвистики при ЛГПИ им. Герцена связано создание фирмы ПРОМТ, разработавшей первую в России коммерческую программу автоматического перевода, в том числе онлайн-перевод с лейблом ПРОМТ.

ских разновидностей речи: «Мастацкая проза», «Публіцыстыка», «Вусная народная творчасць», «Гутарковая мова», «Паэзія», в русском частотном словаре – только четыре стиля, причем здесь есть очень уязвимые как разделения, так и объединение. В частности, в один разряд объединены «научные и публицистические тексты»; зато в разных разрядах оказались тексты «публицистические», с одной стороны, а с другой – «газетные и журнальные тексты» (термины словаря Л. Н. Засориной). Белорусский частотный словарь сделан с продуманным учетом коммуникативной неполноты белорусского языка: в выборке не было научных текстов; были трудности, но преодоленные с выпуском «Гутарковая мова» (в словаре же Засориной рубрики «Разговорная речь» вообще нет). Однако у русского частотного словаря было то серьезное преимущество, что он представлял собой один большой том, в котором данные по всем стилям, как и сводные цифры, были как на ладони – в соседних столбцах одной страницы. Преимущества сводного словаря по сравнению с пятитомным изданием, которое длилось 16 лет, вполне очевидны, но для единовременного сводного частотного словаря надо иметь специализированное лингвистическое издательство (словарь Засориной вышел в издательстве «Русский язык»), а в Беларуси аналогичного издательства не было и нет.

Каждый выпуск белорусского частотного словаря открывался большим «Введением», написанным Супруном, где говорилось не только об устройстве словаря, но и на конкретных примерах показывалось, какие исследовательские перспективы словарь открывает. По существу эти «Уводзіны» были пилотными или экспресс-исследованиями, и с каждым выпуском они становились все более богатыми по результатам.

Авторство на обложках и титуле всех 5 выпусков обозначалось так: Н. С. Мажэйка, А. Я. Супрун. В «Уводзінах» к 1-му выпуску («Мастацкая проза») говорилось, что, цитирую, «агульны прынцып пабудовы слоўніка распрацаваў праф. А. Я. Супрун. Яму належыць кіраўніцтва падрыхтоўкай канкрэтных інструкцый для выпіскі, размяшчэння лексікі, навуковае рэдагаванне слоўніка і напісанне ўступнага артыкула. Працу па ўкладанню дадзенага тома выканаў дац. Н. С. Мажэйка. У падрыхтоўцы тэкстаў для выпіскі, арганізацыі збору матэрыялаў прымала ўдзел старшая лабарантка кафедры Г. П. Раманчыкава» (с. 22). Выше приводились фамилии студентов, которые выписывали слова из текстов и проводили первичную обработку материалов. Аналогичные абзацы читаются во всех пяти выпусках белорусского частотного словаря.

Но вот в 2006 г. в минском издательстве «Зоркі гор» выходит книга, на обложке и на титуле написано: «Н. С. Мажэйка. Частотны слоўнік беларускай мовы». Это объединение пяти выпусков под одной обложкой. Объединение не механическое: на 300 тыс. словоупотреблений увеличилась выборка словаря; понятно, что изменились частотные и алфавитно-частотные списки слов. Нет слов: ценнейшее издание. Но встает вопрос: почему у этой книги только один составитель? Во «Введении» сказано, что сделано Н. С. Мажэйко, но нигде ни во «Введении», ни в библиографии **нет ни слова** о предшествующих выпусках словаря и других участниках этой огромной работы. Фамилия Супруна нигде, ни разу не упомянута! На обороте титула книги значится: «Рэкамендаваны кафедрай стылістыкі і літаратурнага рэдагавання БДУ» (т. е. не сказано, что факультетом журналистики БГУ). Думаю, что филологический факультет рекомендации изданию, которое нарушает не только юридические нормы авторского права, но и этику, не дал бы. Что касается выпускников кафедры (Александр Киклевич) и даже прямых учеников Адама Евгеньевича (Бронислав Плотников), то здесь картина тяжелая: они официальные рекомендации написали.

3. Вклад А. Е. Супруна в теорию коммуникации. Адам Евгеньевич не писал специальных работ на эту междисциплинарную тему, но его внимание к коммуникации было постоянным. Не уверена, что из разрозненных замечаний Супруна о природе общения можно выстроить аксиоматику коммуникативистики, – потому что в реальности коммуникативные процессы бесконечно разнообразны и это живое разнообразие существенно, а абстракции – малоинтересны. Из россыпи мыслей Супруна на эту животрепещущую тему назову только несколько.

3.1. Новые технические условия коммуникации становятся фактором внутриязыковых изменений. Сопоставив информационные возможности устной речи и письма, Супрун так характеризовал коммуникативную цель письменного выработанных особенностей письменной речи: «Основное предназначение письменно-литературного канала – преодоление отсутствия непосредственного контакта» (Супрун 1996, 54). Эта мысль Адама Евгеньевича – ключ ко всей истории синтаксиса, включая согласование времен; истории выработки средств, позволяющих различать свою и чужую речь; истории лексической модальности и служебных слов и др. Все эти истории направлены именно на восполнение тех утрат, которые связаны с частичным переходом от устного и очного общения к общению письменному, т. е. заочному и лишенному паралингвистического аккомпанемента.

Если вспомнить, как со времен Соссюра лингвисты любили щеголять парадоксальными абстракциями вроде такой, что для смыслоразличения безразлично, какова материальная оболочка языкового знака – субстанция воздуха, чернил или цветных флажков, – то внимание Супруна к материи языка и технике речевой деятельности поучительна: не стоит в лингвистике так уже петь хором. Изменения в самой технике создания буквенного текста – делается это пером или с помощью печатного станка – постепенно приводят к изменениям в языке. «[...] Для языкознания небезынтересно, как современная техника, открывающая новые возможности и каналы общения, влияет на речевую деятельность (а значит, и на язык), определяя существенные ее особенности» (Там же, 55).

3.2. Новое в осмыслении антиномии говорящего и слушающего: в морфемной структуре слова для говорящего и слушающего важны разные аспекты. Касаясь латентных процессов речевой деятельности, Супрун показал, что для слушающего (т. е. при восприятии речи) осознание морфемной структуры слова – это путь к узнаванию знакомого слова или к семантизации незнакомого слова; между тем для говорящего (т. е. при порождении высказывания) ощущение морфемной структуры – это инструмент включения слова в синтаксическую структуру порождаемой речи (Там же, 145–147).

3.3. А. Е. Супрун о пользе интерференции. «Методисты оценивают интерференцию отрицательно, хотя это, возможно, справедливо лишь отчасти: ведь она способствует скорейшему овладению языком в совпадающей его части» (Там же, 203).

3.4. Супрун о границах «демократии» и равноправия участников коммуникации. Эти границы зависят не только от различий в возрасте и социальном статусе участников, но и от чисто количественных факторов. Вот в связи с понятием «кортеж речевого общения»^{*} Адам Евгеньевич размышляет о том, насколько в «кортеже общения» все его члены участвуют на равных. На практике, пишет Супрун, здесь очень важны «технические» обстоятельства – количественные и пространственно-акустические: «в условиях свободного, нерегламентируемого общения» кортежи чаще всего насчитывают от 2 до 4 участников. Однако, идя по шумной улице, вести разговор троим еще можно, а вот четверым уже трудно. Если же число участников достигает или превышает «магическое» число 7 ± 2 (т. е. 5 или 9 человек), то не обойтись без координатора общения. «Поэтому, кстати, тамада нужен при застолье двух десятков человек и не нужен, когда за столом пятеро. Натянутой кажется регламентация работы комиссии из трех или пяти человек, но необходима регламентация, когда в комиссии полтора десятка членов» (Супрун 1996, 47).

4. Индивидуальное своеобразие А. Е. Супруна как лингвиста. В стиле профессионального мышления Адама Евгеньевича соединялись черты, которые обычно в практике одного исследователя сочетаются нелегко: широта теоретической мысли, глубокий интерес к общенаучной картине мира, умение видеть суть явлений, здравый смысл, разнообразие исследовательских интересов и точность в логике, фактах и словоупотреблении.

4.1. Здравый смысл: скепсис по отношению к гипотезе «языковой относительности». Трезвость мышления как противовес тому, что В. А. Звегинцев называл «азартом теоретических построений», не позволяла Супруну считать фантазии Б. Уорфа, известные как «гипотеза лингвистической относительности Сепира и Уорфа», ни доказанными, ни заслуживающими доверия (см. Супрун 1996, 106, 269). Студенты Супруна слышали об этом давно, по крайней мере в 1970-х гг. Сейчас у лингвистов, в отличие от философов, в оценках «лингвистической относительности» все больше скепсиса. Кстати, В. М. Алпатов в «Истории лингвистических учений» (М., 1998) связывает идею лингвистического детерминизма с именем только Уорфа, а не Сепира: соответствующая глава называется «Гипотеза языковой относительности Бенджамина Уорфа», а о Сепире говорится раньше, в отдельной главе.

4.2. Здравый смысл: трезвость в определении границ между языком и другими формами осознания мира. Помню, как Адам Евгеньевич, просматривая рабочую программу по курсу общего языкознания, посоветовал в лекции о роли языка в познании подчеркнуть огромные различия между тем содержанием, которое имеется **«в языке»**, и тем, что выражается **«на языке»**, т. е. «с помощью языка». Иначе говоря, важно видеть границу между языковой картиной мира и тем безмерно большим содержанием, которое находится **за** пределами языка. И мы с четверокурсниками спокойно упражнялись в разглядывании этих различий. Если бы вот эту школу Супруна проходило больше лингвистов, то не было бы тех безудержных преувеличений содержания языковых концептов, которые так распространились в когнитивной лингвистике, когда в содержание языкового концепта включают все, что вообще известно о соответствующем денотате, вплоть до писательских дневников и произведений изобразительного искусства (подробнее см.: Мечковская 2010).

4.3. Широта исследовательских интересов. Адам Евгеньевич как-то сравнил себя с сельским врачом, который должен лечить всё, с чем приходят люди. Однако, продолжу сравнение: если универсализм сельского доктора от вынужденности, то широта поисков Супруна – от свободной силы, и это приводило к высоким результатам. С конца 1960-х гг. Супрун лидирует сразу в нескольких направлениях общего и славянского языкознания: в славянском сравнительно-историческом языкознании, включая этимологию и полабистику, в типологическом изучении грамматики и лексики славянских языков, в психолингвистике и лингводидактике. Супрун был среди зачинателей и пропагандистов новаторских идей и методов науки – вероятностного понимания языковых классов и структур, лингвистического моделирования, вычислительных и экспериментальных подходов. Под руководством А. Е. Супруна были составлены ассоциативные словари белорусского, украинского, киргизского, латышского языков; он был инициатором и руководителем работ по созданию белорусского частотного словаря.

4.4. Количественность и параметричность мышления. Склонность к вычислениям, оценкам масштабности явлений, шире говоря, к статистическим картинам мира проявлялась в исследованиях и лекциях Супруна постоянно, сказываясь и в частных разговорах. Вот один из лекционных примеров. Характеризуя речевую деятельность отдельного человека, Адам Евгеньевич задается вопросом об объемах этой деятельности и подсчитывает, сколько словоупотреблений актуализируется в сознании

^{*} В математике кортеж – это конечная последовательность (допускающая повторения) элементов какого-либо множества x . Длина кортежа определяется количеством его элементов.

человека за один час, за рабочий день (если работа в том, чтобы читать, писать или говорить), за 70 лет жизни. Получается число с девятью нулями – порядка миллиарда словоупотреблений. Чтобы читатель мог представить, что это за объем, Супрун приводит данные о количестве словоупотреблений в романе «Война и мир»: полмиллиона. Значит, миллиард словоупотреблений за 70 лет обычной жизни – это примерно 2000 таких книг, как «Война и мир» (см. Супрун 1996, 70).

4.5. Стиль мышления и письма – лекторский. Адам Евгеньевич уважал аксиоматику у лингвистов (например, работы Ю. С. Мартемьянова), но сам он в таком ключе не писал, сознавая, что в языкознании плата за строгую дедукцию – это всегда обеднение исследуемой реальности. Кроме того, прирожденный педагог и опытный лектор, Адам Евгеньевич писал книги, мысленно видя и чувствуя аудиторию своих читателей. Поэтому он предпочитал лекторскую манеру письма. Большинство его книг последних десятилетий – это учебные пособия для студентов: три выпуска «Лекций» по языкознанию (см. Супрун 1971; Супрун 1978; Супрун 1980), первое в СССР и остающееся до сих пор лучшим «Введение в славянскую филологию» (1981; 2-е изд. 1989), два издания при участии и под редакцией А. Е. Супруна «Общего языкознания» (1983; 1993–1995), «Старославянский язык» (1991), «Праславянский язык» (1993), «Лекции по теории речевой деятельности» (см. Супрун 1996).

4.6. Акрибия. Это греческое слово я узнала от Супруна – как именно то качество лингвистического исследования, к которому он стремился, как свидетельство высшего пилотажа в профессии. Академический 17-томный словарь определяет это слово как 'тщательность, точность (в научных исследованиях)'. Но ни в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, ни в последующих академических словарях, включая новейший 20-томный, этого слова нет. Устарело? Однако слово дается в Википедии, со ссылкой на «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»: ἀκριβεία – «величайшая точность, тщательность, основательность, аккуратность, бережливость»; в филологии акрибия означает абсолютную точность при издании текста: безупречность справочного аппарата, отсутствие ошибок и опечаток в наборе, полное владение всеми источниками издаваемого текста и комментариями к нему для обозначения разночтений». Адам Евгеньевич стремился выдерживать требования акрибии, и это еще один из уроков Супруна. Другой вопрос, насколько у тех, кто узнал об акрибии от Супруна, получается этим высоким принципам филологии следовать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Библіографічны указальнік па славянскаму і агульнаму языкознаўству: Профэсар Адам Еўгеневіч Супрун / отв. ред. А. М. Бушуй. Самарканд, 1984.
- Германовіч І. К. Супрун Адам Яўгенавіч // Беларуская мова: энцыкл. / пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1994. С. 545.
- Германовіч І. К. Беларускія мовазнаўцы: у 2 т. Мінск, 2006. Т. 1; Мінск, 2008. Т. 2.
- Гладкий А. В. Лекции по математической лингвистике для студентов НГУ. Новосибирск, 1966.
- Гладкий А. В. Формальные грамматики и языки. М., 1973.
- Гладкий А. В. Математическая лингвистика // Математический энциклопедический словарь / гл. ред. Ю. В. Прохоров. М., 1988. С. 338–340.
- Гладкий А. В. Математическая лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 287–289.
- Историческая грамматика древнерусского языка / под ред. В. Б. Крысько. М., 2006. Т. 4: Жолобов О. Ф. Числительные.
- Мажэйка Н. С., Супрун А. Я. Частотны слоўнік беларускай мовы. Мастоцкая проза. Мінск, 1976; Публіцыстыка. Мінск, 1979; Вусная народная творчасць. Мінск, 1982; Гутарковая мова. Мінск, 1989; Паэзія. Мінск, 1992.
- Маркова Е. В. Он принес новые смыслы и новые решения // Науковедение. 2000. № 1, разд. «Памяти В. В. Налимова» // <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/BIO/NALIMOV1.HTM> (21.01.2013).
- Мечковская Н. Б. Когнитивная лингвистика в СНГ: разнообразие программ и методологические коллизии // Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. Славянские языки в когнитивном аспекте. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010 (= Slavistische Studienbücher. Neue Folge. Bd. 22). S. 13–36.
- Мокиенко В. М. Адам Евгеньевич Супрун // Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию: Профессор Адам Евгеньевич Супрун / отв. ред. А. М. Бушуй. Самарканд, 1984. С. I–XV.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1974.
- Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
- Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М., 1993.
- Налимов В. В., Мультченко З. М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. М., 1969.
- Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. М., 1981.
- Память и слава: К 75-летию со дня рождения профессора А. Е. Супруна / отв. ред. Г. И. Шевченко. Минск, 2003.
- Пиотровский Р. Г. Информационные измерения языка. Л., 1968.
- Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. М., 1977.
- Статистика речи / под ред. Р. Г. Пиотровского и др. Л., 1968.
- Статистика речи и автоматический анализ текста / под ред. Р. Г. Пиотровского и др. Л., 1971, 1972, 1974.
- Статистика текста. Т. 1. Лингвостатистические исследования / под ред. Р. Г. Пиотровского и др. Минск, 1969.
- Супрун А. Е. Славянские числительные. Минск, 1969.
- Супрун А. Е. Лекции по языкознанию. Минск, 1971.
- Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М., 1971 [а].
- Супрун А. Е. Лекции по языковедению. Минск, 1978.
- Супрун А. Е. Лекции по лингвистике. Минск, 1980.
- Супрун А. Е. Полабский язык. Минск, 1987.
- Супрун А. Е. Праславянский язык. Минск, 1993.
- Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск, 1996.

Поступила в редакцию 17.01.13.

Нина Борисовна Мечковская – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания.